

Инна Тронина

ЛЕГЕНДЫ ВЕЛИКОГО ОЗЕРА

(Повесть-сказка)

1. История

Давным-давно на скалистом берегу Великого Озера в мрачном большом доме за высоким каменным забором поселилась вдова по имени Барбара Мешан. Её фамилия переводилась с французского языка как «злая, злобная» что вполне соответствовало характеру этой дамы. Никто не знал, откуда приехала очень богатая и в такой же

степени некрасивая мадам Мешан. Она никого не пускала в свою усадьбу. Днём и ночью за забором раздавались собачий лай и кошачье мяуканье.

Позже по берегам Великого Озера поползли слухи о том, что Барбара Мешан — знаменитая заводчица. Получив от мужа громадное наследство, она уехала за океан. И там долго искала уединённый уголок, что заняться своим любимым делом — выведением новых пород животных.

Прошли годы, и высокая худая мадам Мешан превратилась в костлявую сторбленную старуху. Всё это время она успешно создавала новые породы животных, многие из которых широко известны и поныне. Питомцы старухи участвовали в престижных выставках, а после продавались на аукционах на очень большие деньги. Особенно высоко ценились эксклюзивные экземпляры, подобных которым на земле больше не было. Оранжевые кошки-апельсины с хвостами длиной в три метра. Собаки-баклажаны с такой короткой шерстью, что они казались совсем голыми. Кошки величиной с лесной орех. Собаки ростом с корову. Они прославили имя мадам Мешан далеко за пределами её новой родины.

Если старухе не удавалось вывести то, что она хотела, или на животных не находилось покупателей, следовала скорая и жестокая расправа. Молчаливые громилы-слуги вывозили несчастных

уродов в лодках на середину Великого Озера и топили их в мешках с камнями. Там же, в прозрачной ледяной воде, нашли свой последний приют тысячи старых собак и кошек.

Жадная старуха не знала, что такое жалость. Те, кто не мог принести ей доход, лишались права на жизнь.

За долгие годы заводчица загубила громадное количество зверей, но некоторым удалось спастись. Они выбрались на острова в середине Великого Озера и остались жить там. Один из островов имел очертания, напоминающие собачью голову. Другой остров походил на кошачью. Третий в точности повторял коровью. Несколько в стороне лежали ещё три острова — Свиной, Лошадиный и Заячий. Впрочем, были ещё и Птицы — на всех шести островах; а также Мыши, Крысы и прочие грызуны. Последние, правда, предпочитали не соваться в Журсию — государство Кошек. Они попадали туда лишь в качестве добычи и употреблялись в пищу. Кроме того, на них Котята учились охотиться. Самых больших и свирепых Крыс забирали в палачи, но об этом позже.

Сначала чудом спасшимся зверям были очень плохо. Выросшие в неволе, они не сразу привыкли существовать самостоятельно — ежедневно охотиться, устраивать жильё, защищать своё потомство.

Потом стало легче. Как уже было сказано, на островах водилось много дичи и птиц. Росли дуплистые деревья, а в скалах вода и ветер образовали огромное количество глубоких пещер. Там можно было свободно укрыться от дождя и снега.

Итак, выбравшись первой стаей на пустынный берег и радостно отряхнувшись, Собаки сразу же выделили лучшую пещеру своему вожаку Трезору. Огромный сенбернар, от рождения имевший на одном глазу бельмо, был обречён на гибель. Прожил он по собачьим меркам очень долго — двадцать пять лет. Он и основал королевство Трезорию, которым правил до своей спокойной и славной кончины.

А первым котом, выбравшимся на спасительную сушу, оказался чёрно-белый пушистый Жур. Этот потрясающей красоты экземпляр с длинными белыми усами, изумрудными глазами и поистине королевской походкой был по небрежности искалечен самой же Барбарой Мешан. Она прищемила дверью и повредила правую переднюю лапу кота. На счастье Жура, слуга Барбары Мешан бросил его в воду с лодки без камня на шее. Ленивый парень счёл, что кот не умеет плавать и всё равно утонет. А ему очень не хотелось возиться в осенних сумерках с камнем и верёвкой. К тому же слуга тем вечером

был в изрядном подпитии. В результате Жур сумел добраться до острова, напоминавшего своими контурами кошачью голову. Он занял самое уютное дупло в самом толстом дереве. Через некоторое время было основано государство Журсия.

Население островов росло, и вновь прибывшим уже не хватало места в дуплах и пещерах. Они стали строить шалаши из веток деревьев, рыть норы. Через некоторое время на островах возникли деревянные города. Столицу Собачьего королевства называли Рычевск-Рвачий, Кошачьего — Журвиль или Журград. В стране Собак Трезории кормились мясом животных, обитавших на островах. Кошки ловили птиц и мышей. Позже этот корм признавало лишь простонародье. Аристократы получали для трапезы мясо с третьего по величине острова, который назывался Овцебык. Кошки и Собаки долго воевали из-за него. В конце концов, король Журсии Казимир Сиамский постановил уступить Овцебык Собакам в полное владение, а самим перейти на рыбные запасы вместо мясных.

Дело в том, что для хищных зверей мясные запасы очень важны. Их количеством измеряется богатство страны. Для людей столь же важным является размер золотого запаса государства. Мудрый кошачий король Казимир Сиамский, не желая вести разорительную войну с Рексом

Лабрадором за спорный Овцебык, лично подал пример своему народу. Он первый поймал когтём форель в водах реки Муреллы. Поскольку Собаки терпеть не могли рыбу, они не претендовали на главное кошачье богатство.

С тех пор на островах Великого Озера воцарился мир. Он нарушался лишь мелкими приграничными стычками, от которых не застраховано ни одно государство. Получив в своё безраздельное владение рыбные запасы, в том числе и в реках острова Овцебык, Кошки уже не чувствовали вполне понятного унижения из-за передачи его Собакам.

2. Переворот в Журсии

С тех пор прошло много лет. Трезория с Журсией расширялись и крепили. Новые обитатели островов знали о страшном прошлом своих предков и о Барбаре Мешан только из рассказов старших.

Все вместе, невзирая на то, что были такими разными, Собаки поднимали над каменистым островом синее знамя свободы и чести — знамя Королевства Трезории. Ньюфаундленды, мопсы, овчарки, пинчеры пекинесы, таксы и тойтерьеры, а также простые дворняжки — работающие и смышлёные — чувствовали себя одним народом.

А совсем рядом, на другом таком же острове, также самоотверженно охотились, сражались и выхаживали потомство Кошки. Среди них были короткошерстные «британцы», белоснежные «ангоры», курносые флегматичные «персы», грациозные «сиамы», мощные «сибиряки», а также самые обычные полосатые и неприхотливые мурки. И над городом Журвилем реяло их жёлтое знамя, украшенное силуэтом кошачьей головы. Всем давно казалось, что жёлтое кошачье знамя неотделимо от синего собачьего, как неотделимы друг от друга солнце и небо.

А между тем слава о Великих Островах расходилась далеко окрест. Даже Кошки, не говоря уже о Собаках, отчаянно бросались в холодную воду, чтобы наконец-то стать свободными. На Островах Люди уже не могли погубить их по своей прихоти. Не могли издеваться над ними, морить голодом, держать на цепи, сдавать в институты для опытов, отнимать и топить их новорождённых детёнышей. Да и просто пинать ногами на улицах...

Конечно, не все жаждущие добирались до вожаемых Островов. Но всё же население росло очень быстро. Особенно страдали от увеличения поголовья Кошки. Счастливые матери рожали по три-четыре раза в год, а Указом короля Мурексиды Сингапурского было запрещено съедать больных и прочих неполноценных Котят, как это

практиковалось ранее. Под страхом смертной казни мамыши должны были выкармливать всё своё потомство. И потому в Журсии развелось много Кошек-инвалидов, которые промышляли воровством или просили милостыню. Несмотря на все усилия Мурексиды Сингапурского и пришедшего ему на смену Максимуса Ангорского, просвещённого философа и гуманисты, на Журсию неуклонно надвигался голод. Рыбные запасы таяли с каждым днём. А Птицы давно уже облетали Журсию далеко стороной, боясь быть тут же пойманными и съеденными.

Трезория же существовала относительно благополучно. Размножались Собаки не так бурно, уродов не выкармливали, утончёнными удовольствиями не увлекались. Кроме того, они владели богатейшими запасами мяса на Овцебыке, частью Свиного острова. И уже поглядывали в сторону Лошадиного и Заячьего, которые пока формально сохраняли самостоятельность.

А в Журсии всё громче слышались призывы пересмотреть пакт Казимира Сиамского и потребовать свою долю мясных запасов. Но пока был жив старик Максимус, молодая и амбициозная часть высших офицеров не осмеливалась нарушать долго существовавший порядок.

Согласно этим правилам Кошки и Собаки, проплывая в лодках по Великому Озеру, обязаны

были при встрече кланяться друг другу. Они прижимали к груди лапы и старательно прятали хвосты, чтобы не быть неправильно понятыми. Заложенные самой природой неприязнь к соседям надлежало скрывать под маской почтительности и любезности. Так повелели подданным вести себя ещё достопочтенные Трезор и Жур, выступившие на заре Свободной Жизни с общим Манифестом.

— Меньше всего хотим мы и более всего боимся войны между нашими народами, в которой не будет победителя! Эта битва закончится только всеобщим уничтожением. Мы убьём друг друга. И никому, кроме Птиц-Стервятников, не будет от этого пользы. Не для того бежали мы от Людей, чтобы теперь пожрать сами себя. Вы можете не любить тех, кто живёт на соседнем острове, но обязаны мирно сосуществовать с ними, уважать их права. Те же права, которые теперь есть и у вас!

И вот уже который год эти слова Великого Манифеста зубрили Щенки и Котята на обоих берегах. Они даже не задумывались о том, насколько дальновидными и мудрыми были их теперь уже далёкие Предки...

И вот однажды тёмной осенней ночью над Журвилем раздался скорбный, надрывный кошачий крик. Такой сигнал подавали только в одном случае — если уходил из жизни возлюбленный король. Всем подданным, проживающим в столице, за

исключением Котят, надлежало собраться на площади Светящихся Глаз и на прилегающих уликах, дабы выслушать скорбную весть и присягнуть новому властелину.

Завывая и мяукая, огромными прыжками, позабыв о всегдашней степенности и вальяжности, мчались Кошки на площадь Светящихся Глаз. В мгновение ока она заполнилась Кошачьим народом. Вновь прибывающим уже не хватало места. Кошки карабкались на крышки, на деревья, на балконы. Все ближайшие к главной площади улочки тоже оказались забиты взволнованными жителями Королевства Журсия.

Порядок у дворца поддерживали элитный Рысий Легион и полк «Гепард». На крыльце стояли чёрные, без единого пятнышка, стражники с факелами. Жёлтый флаг над дворцом приспустили и к флагштоку привязали чёрную ленту.

В аристократической ложе находились члены семей знатных Кошачьих родов. Всеобщее внимание привлекали, тем не менее, три персоны. Первым был начальник Мурштаба королевской армии Сесилий из рода Рыжих Сиамов — прямой потомок короля Казимира. Остальные двое, вернее, две почтенные Кошки, мать и дочь, Пульхерия и Аста, вели себя спокойно — в отличие от Сесилия. Это и казалось собравшимся очень странным. Ведь прямая потомка Великого Жура, чёрно-белая

пушистая Аста, словно рождена была королевой. Но до сих пор они с матерью довольствовались титулом герцогинь. Норвежская лесная Пульхерия рыже-белой масти передала дочери свои почётные рысьи кисточки на ушах. Но, несмотря на это, они не решались заявить о своих правах на престол. Пульхерия и Аста были Кошками, не Котами, и это удерживало их сторонников.

В отличие от Собак, всегда послушных воле начальства, Кошки мнили о себе очень много. Каждый Кот втайне считал себя достойным претендентом на трон. А в таких непростых ситуациях, как эта, всё могло закончиться беспорядками. Поэтому в Журвиль и были введены дополнительные армейские части. Сесилий позаботился об этом заранее, потому что в момент захвата власти должен был иметь под рукой как можно больше надёжных кадров.

Из дворца вышел Главный Распорядитель — бесхвостый от природы Бобтейл Микаэль с чёрной повязкой на лапе. На площади Светящихся Глаз воцарилась мёртвая тишина. Только трещали бесчисленные факелы.

— Плачь, о народ Журсии! — провозгласил Микаэль, перемежая свою речь надрывным мяуканьем. — Наш возлюбленный король Максимус Ангорский почил нынешней ночью от

мочекаменной болезни, не оставив прямых наследников мужского пола...

Площадь Светящихся Глаз моментально огласилась мяуканьем воем, стонами и воплями. В течение некоторого времени Кошки старательно оплакивали своего почившего государя — милостивого кроткого Максимуса. Но вечер некоторое время вал скорби ослабел. Журсианам хотелось поскорее узнать, что будет дальше. Максимум правил достаточно долго. Заведённые при нём порядки уже надоели подданным. Им хотелось чего-то нового, непривычного, интересного. К тому же, как было сказано ранее, на острове жилось трудно. Едоков насчитывалось куда больше, чем охотников и солдат. Этот вопрос нужно было решать как можно скорее.

Муршал Сесилий, вырвав из лапы стражника факел, вскочил на крыльцо и оттолкнул опешившего от такой наглости Микаэля. Рыдания на площади окончательно стихли. Десятки тысяч светящихся глаз смотрели на Сесилия с интересом, с настороженностью, с тревогой, но и с надеждой.

Муршал понял, что его час настал. Нужно было, не теряя времени, показать народу Журсии, что именно он достоин править островом. А для этого муршалу позарез требовалась война, которая должна была вознести его на недосягаемую высоту.

— Слушай меня, о народ Журсии! — страшным голосом завыл Сесилий. Все собравшиеся замерли и наострили уши. — Слушайте меня, аристократы и простонародье! Солдаты и охотники, рыболовы и крысоловы! Труженики и бродяги! Слушайте все! Вы знаете, как тяжело вам живётся! Знаете, что голод угрожает Журсии и скоро уничтожит наш Великий Остров! Вам негде жить, а скоро нечего будет есть! Добрый старик Максимус не мог найти в себе силы пересмотреть пакт Казимира Сиамского, по которому весь остров Овцебык был переданы презренным вонючим Собакам! Максимус не посмел, но я, Сесилий, прямой потомок короля Казимира, исправлю его ошибку! Вы получите мясо Быков и Баранов, много молока и потрохов! Мало того, вам достанутся во владение незаселённые земли Трезории. Это случится после того, как мы пойдём войной на вонючих Псов и победим их в первом же бою! Довольно вам питаться мышами и рыбой! Довольно ютиться в тесноте и выкусывать блох из шкуры! Нас так много, что мы сомнём Собачьи заставы!

Площадь огласилась теперь уже другим — утробным, воинственным — воем. Муршал Сесилий точно выбрал время для переворота. Темнота, факелы, толпа на площади, траурное убранство дворца — всё это заставляло журсиан

чувствовать необычайную важность происходящего и соглашаться с безумными речами муршала Сесилия. Он говорил то, о чём думали многие журсиане. И, не теряя времени, солдаты начали строиться в колонны. Они были готовы атаковать Трезорию тотчас же.

— Скажу вас, о журсиане, ещё больше! — Сесилий, размахивая факелом и саблей, стоял на крыльце в окружении членов Мурштаба и отборных легионеров. Сейчас он совсем не боялся герцогини Асты. Кстати, она и не собиралась возражать муршалу. Стояла и молча слушала его призывы. — Многие Собаки, недовольные правлением короля Псана Шестого Ротвейлера, не окажут нам сопротивления и откроют границы. На Трезорию пойдут все бродяги Журсии, которые наконец-то получают возможность отдать долг своей стране! Возлюбленные мои соотечественники! Вы добудете в этом бою славу, мясо, территорию! Вы обессмертите себя в веках! Если мы уступим Псам сейчас, они захватят оставшуюся часть Свиного острова, потом присоединят Лошадиный и Заячий. Но ещё раньше Псы оккупируют самые лучшие части нашей Журсии. И тогда конец королевству! Не бывать этому, о мой народ! Настал великий миг расплаты! Ни один Журсианин больше никогда не поклонится Псу! Это говорю вам я, Сесилий Сиамский, ваш новый король!

Кошками и впрямь овладело безумие. С хищным неистовством они ринулись к крыльцу, где стоял Сесилий. Толпа жаждала немедленно выполнить волю муршала. Ей казалось, что война будет лёгкой и быстрой. Собаки не успеют даже проснуться, тем более что в темноте они видят плохо. Сесилий давно готовил эту речь, посылал лазутчиков к Собакам. Он выявлял недовольных суровым правлением Псана Шестого и обещал им высокие посты в завоёванной Трезории.

— Утром мы будем в Рычевске-Рвачем! — провозгласил Сесилий, задирая свой длинный хвост, с крючком на конце. Теперь вместо факела в его лапе было знамя Журсии. — Я клянусь привезти в клетках их короля, их кронпринца, их гавмаршала Пинчика Старшего. И вы, журсиане, насладитесь их ничтожеством, их позором! Конец Псов будет ужасным! Мы выцарапаем им глаза, а после опустим в мешок с голодными крысами! Те, кто сейчас поведёт себя благоразумно, будут пасти наши стада на Овцебыке. На большее пусть и не надеются! Даже за эту честь Собаки будут грызть друг друга. Другого дела для них не будет. Только быть слугами журсиан! Сейчас они спят, презренные плебеи, вонючие варвары, самодовольные хамы! И это будет их последний сон! Многие из них не увидят даже рассвета! Вперёд, сыны Журсии! С нами тени Великих

Предков и немеркнущая слава Кошачьих! За мной!
На врага! Мяу-у-у!!!

Не только солдаты и офицеры, но даже последние бродяги, воры и уроды огромной толпой тотчас же ринулись к берегу Великого Озера, не успев в спешке попрощаться с жёнами и детьми. Вскоре на площади Светящихся Глаз не осталось никого, кроме стражников и Микаэля Бобтейла. Тот в одиночестве оплакивал короля Максимуса. Да ещё в Аристократической ложе сидели две Кошки-герцогини, которым, казалось, уже не на что было надеяться.

3. Война

Ненастной дождливой ночью город Рычевск-Рвачий, столица Трезории, был разбужен сиреной-вылом. Выло включалось лишь в чрезвычайно важных случаях. Например, если на остров надвигался шторм, или в территориальных водах появлялись человеческие суда. Но на этот раз выло звучало как никогда раньше — долго, пронзительно, страшно. Через несколько гавов улицы столицы были запружены собачьим народом. Несмотря на ливень и штормовой ветер, все бежали к дворцу короля Псана Шестого Ротвейлера, чтобы узнать последние важные новости.